

Айгарс Урганс

Бауска, Латвия

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ И ПРОБЛЕМАХ В ИССЛЕДОВАНИИ ХОЛОКОСТА В ГОРОДЕ БАУСКЕ И БАУСКОМ УЕЗДЕ

В 1941 г. Бауска была одним из малых городов Латвии, где доля евреев среди жителей составляла примерно 15 %. Небольшое число евреев проживало и в других волостях Бауского уезда — в Иецаве, в приграничных с Литвой местечках Панемуне, Скайсткальне и в некоторых других волостях.

С началом войны между СССР и Германией, части вермахта вошли в Бауску 28 июня 1941 г. после полудня, но здесь не задержались, поскольку ударное соединение под командованием полковника Отто Лаша получило задание стремительным броском достичь Риги и взять под контроль мосты через Даугаву, чтобы отступающие части Красной армии не успели их взорвать¹. Распоряжение немецкого военного коменданта о взятии власти в Бауске подписано 1 июля. Это распоряжение, между прочим, предусматривало также ограничения для евреев города: им разрешалось находиться на улицах города с 7 часов утра до 6 часов вечера², и это можно считать первым действием немецкой оккупационной власти против евреев³.

Следующее событие вызвало большой резонанс в городе. А именно: 2 июля в Бауске немецкие солдаты публично расстреляли в качестве заложников 20 человек. Детали проведения акции и факты из источников показывают, что произошедшее было акцией, проведенной немецким военным командованием, мотивом которой, по рассказам очевидцев и найденной в источниках информации, была месть, а также стереотипная реакция вермахта на найденные вблизи Бауски останки немецких солдат, которые были осквернены (выломаны золотые зубы, отрезаны пальцы с обручальными кольцами и т.п.). За случившееся пришлось ответить невинным людям, а именно пяти местным латышам, которых до этого за сотрудничество с советской властью арестовала самоохрана⁴ (в случае, если осквернение совершили местные латыши), пяти местным евреям, которых схватили на улице (в случае, если осквернителями были местные евреи, а также для пропаганды) и десяти захваченным в плен красноармейцам (в случае, если осквернение совершили отступающие из Бауски красноармейцы)⁵.

Интервью очевидцев дополнили ход произошедшей акции деталями, стали известны фамилии многих расстрелянных⁶. Одна жительница Бауски рассказала автору статьи эпизод этой акции: в группе заложников оказался один молодой еврей, и его отец, узнав об этом, встал на место сына⁷.

После первой акции — в первых числах июля в Бауске произошел погром нескольких находящихся в центре города еврейских магазинов. Несколько евреев выгнали из квартир на улицу и избили. Было также сожжено деревянное здание

Перевод с латышского.

синагоги, которое использовалось евреями как молельный дом и находилось рядом с кирпичной синагогой⁸. Вопрос в том, кто совершал эти акции и какова была их цель?

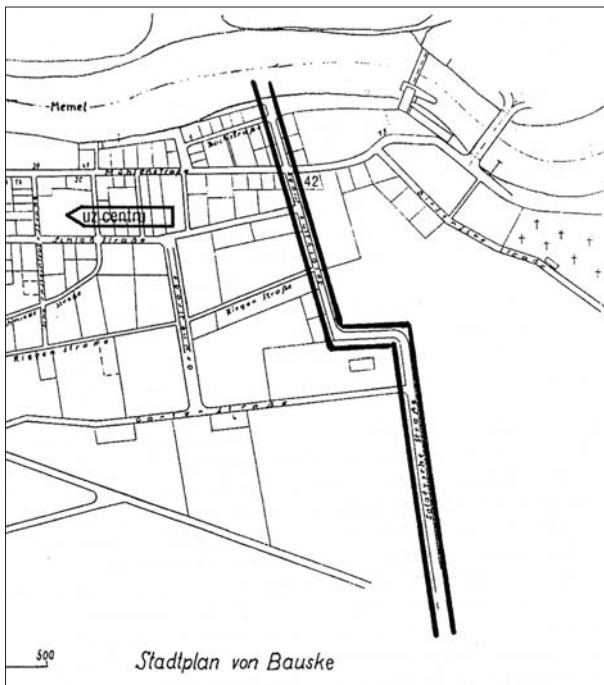
Почерк акции сожжения синагоги⁹ свидетельствует, что ее совершила эйнзацгруппа А. Однако в сообщениях “*Ereignismeldung*”¹⁰ события в Бауске не упоминаются. Поэтому возможно, что акция является делом рук местных самоохранщиков, однако и для этого предположения нет подтверждения в источниках (уголовных делах бывших участников самообороны, а позднее — полицаев). В

источниках также нет основания для третьего допущения о возможной роли в этом событии немецкой военной комендатуры.

Более ясна картина происшедшего еврейского погрома и эпизодов избиений. Вполне обоснованно можно утверждать, что это совершили местные самоохранщики. Во-первых, потому, что на это есть указания в разных источниках¹¹, во-вторых, маловероятно, что немцам в первые дни оккупации было известно, где находятся еврейские магазины и квартиры.

Целью упомянутых действий однозначно было запугивание людей, и, возможно, этим были вызваны жертвы. Имеется одно устное свидетельство¹², что в горящем здании, двери которого были заперты, находились люди, в том числе и раввин Мозус Штул¹³, который якобы перед этим там же, неподалеку на улице, был избит и загнан в это здание¹⁴.

Положение бауских евреев в июле 1941 г. определяли несколько направленных против них распоряжений. Первым ограничением для евреев был уже упомянутый приказ немецкого коменданта от 1 июля. Через несколько дней, 4 июля Бауская городская управа издала распоряжение, в котором говорилось, что по указанию военного коменданта Бауски (из распоряжения, как мы видим, четко нельзя понять, является упомянутое должностное лицо немецким военным комендантом или командиром местных сил самообороны) всем проживающим в городе евреям необходимо зарегистрироваться в канцелярии комендатуры латышских сил само-

Часть плана города Бауски с ул. Салату, которую евреям было запрещено пересекать в направлении центра города

охраны (ныне на ул. Плудониса)¹⁵. Далее 9 июля последовало распоряжение вновь назначенного латышского коменданта Бауского уезда или начальника уездной полиции полковника Яниса Друваскалнса, который сам подписывался как начальник полиции безопасности¹⁶, запрещавшее евреям находиться и проживать в определенном районе города, который фактически являлся почти всей территорией города того времени. Этим распоряжением всем руководителям учреждений и предприятий, где были заняты евреи, вменялось в обязанность уволить их с работы. Евреи должны были в течение 48 часов покинуть указанную часть города и перебраться на городскую окраину. Информация из источников и рассказанное очевидцами подтверждает то, что местные латышские полицейские (бывшие участники отрядов самообороны, так как после 8 июля отряды самообороны были расформированы и началось создание структуры уездной полиции) активно участвовали в изгнании евреев из квартир, потому что так было возможно присвоить драгоценности и другие вещи несчастных людей¹⁷.

Можно считать, что после распоряжения от 9 июля и изгнания евреев из центра города образовалось условное бауское гетто. Условным его можно считать потому, что указанная в распоряжении ул. Салату была линией, или границей, которую евреям запрещалось пересекать в направлении центра города, а квартал за ул. Салату в направлении от центра города не был ограничен оградой; лишь несколько полицейских надзирали за соблюдением запрета.

В новых условиях у бауских евреев было две возможности: искать для себя место жительства на указанной городской окраине либо податься на село и искать работу, кров и пропитание у крестьян.

В распоряжении от 9 июля было установлено исключение, что только в базарные дни, т.е. в понедельник, среду и пятницу, с 11 до 12 часов евреям разрешается посещать рынок и закупать продовольствие. После того как Мартиньш Вагуланс, которого командир эйнзацгруппы «А» В. Шталеккер назначил начальником елгавского штаба латышских СД, совершил инспекционную поездку по Земгалю¹⁸, этот порядок был отменен, потому что руководство полицией Бауского уезда получило упрек, что недопустимо, если «...жиды по-прежнему свободно ходят по городу»¹⁹. 24 июля новым распоряжением бауским евреям полностью было запрещено делать покупки на городском рынке²⁰, и 25 июля в газете *„Bauskas Vēstnesis“* («Бауский вестник») было опубликовано напоминание о поселении 17 евреев в указанном месте на окраине города²¹.

Очевидцы видели условия существования в упомянутом бауском гетто — их характеризует нехватка жилой площади и продуктов питания²². Из центра Бауски на окраину, где было лишь несколько зданий, были изгнаны несколько сотен человек, которым пришлось искать пристанище. Перед этим, возможно, произошло отделение мужчин от их семей²³, потому что в устных свидетельствах есть указания, что на этой территории в основном находились женщины с детьми и старики. Мужчин якобы использовали на различных работах в городе, или же им было приказано отправляться в сельскую местность и найти крестьян-дворохозяев, которым необходимы сельскохозяйственные рабочие. Многие евреи использовали для жилья классные помещения в здании школы (см. № 42 на плане), и только несколько семей ютились в свободных помещениях нескольких расположенных на этой территории зданий.

Получены сведения о том, что попавшим в беду людям жители Бауски старались помочь продуктами. Так, например, по инициативе взрослых дети, получив

от евреев деньги, покупали для них в городе продукты и тайно их передавали. Поэтому стал известен характеризующийся человечностью случай, когда владелица пекарни бауская немка Элла Фрей несколько раз носила евреям караван свежеспеченного хлеба, пока не была поймана и отведена в полицейский участок, где объяснила, что она даже представить себе не могла, что этим людям, которые изгнаны из своих жилищ и которым запрещено приходить в центр города, запрещено приносить хлеб. Женщина была освобождена только после того, как своей подписью подтвердила, что в дальнейшем так поступать не будет.

Следующая проблема, по которой больше вопросов, чем ответов, стало событие, происшедшее в Бауске в середине июля. В бауской амбулатории были стерилизованы, иными словами, сделаны неспособными к воспроизводству потомства, 56 евреев-мужчин (в том числе 9 мальчиков в возрасте от 8 до 15 лет). Ход проведения этой акции описан в журнале Латвийского университета "*Latvijas Vēsture*" («История Латвии») ²⁴, но в ходе исследования возникло несколько вопросов: у кого появилась идея проведения такой акции и кому принадлежала инициатива ее проведения, каков был смысл этой акции и кто стали жертвами акции?

В некоторых источниках упоминается, что акция была инициативой местных ²⁵. В пользу такой версии свидетельствует сказанное начальником полиции Бауского уезда Я. Друваскалнсом: «Расстрелять не успели, тогда стерилизуем» ²⁶, — а также то, что за проделанное врачам заплатили из бюджета самоуправления ²⁷.

В пользу инициативы немцев свидетельствует субъективное допущение, что в условиях оккупации, в 1941 г., подобные вещи не могли иметь места без директив немецких учреждений, а также немецкий фактор в ходе всего происходящего, упомянутый в книге Л. Крашапа ²⁸. Так, например, немецкий комендант в начале июля назначил врача Александра Штейнхардса главным врачом города, потому что бывший до этого главным врачом Нейдерс отказался совершить это преступление. Также Л. Крашап указывает, что жертв выбирали немецкие учреждения. В материалах Чрезвычайной комиссии ²⁹ также говорится, что стерилизация евреев в Бауске, началась по приказу немцев ³⁰.

Хотя в научной литературе и написано о планах немцев ограничить возможность евреев к размножению, смысл акции в Бауске, по нашему мнению, заключался не более чем в садистском унижении человека, ибо после проведения акции все ее жертвы, кроме одного, которому удалось спастись, были расстреляны. Утверждать так заставляет раскрытый при изучении источников детализированный ход преступления.

Интересную деталь открыл в своем свидетельстве фельдшер Оскар Плявиниекс, который вместе с городским врачом А. Штейнхардсом совершил это варварское преступление. Он свидетельствовал, что предусматривалось стерилизовать всех евреев-мужчин, но начало массовых убийств не позволило осуществиться этому замыслу ³¹. Если это правда, то актуальным остается вопрос, кто были эти 56 человек, выбранных в качестве жертв, которые к тому же были не только жителями Бауски, но и привезенными из разных волостей Бауского уезда ³². Упомянутый Л. Крашап пишет в своих записках, что жертвы, как уже говорилось, выбирали немецкие учреждения, и это можно связать с имеющейся в архивных источниках информацией, что одна часть жертв были евреями, которых латышская самохрана арестовала еще в начале июля за сотрудничество с органами совет-

ской власти не только в Бауске, но и, например, в Скайсткалнской волости (советских активистов, арестованных в волостях в первой половине июля, в соответствии с приказом, данным волостным отрядам самоохранны уезда, доставили в Бауску и разместили в нескольких местах заключения — в подвалах нескольких зданий³³). Единственный свидетель, спасшийся после стерилизации, — Израиль Тоик свидетельствовал, что во время регистрации евреев в Бауске (в начале июля) многие трудоспособные мужчины (в том числе и он сам) были отделены от семей и вместе со многими привезенными из волостей уезда евреями водворены в арестантские помещения и в течение дня использовались на разных работах, а до середины июля были отвезены в амбулаторию и искалечены³⁴. Не удалось выяснить, кто были искалеченные и затем расстрелянные 9 мальчики в возрасте от 8 до 15 лет. Их нельзя считать трудоспособными мужчинами, которые были отделены от семей, и поэтому есть основание думать о их связи с арестованными советскими активистами. А именно: была возможна их принадлежность к пионерской организации, или это было связано с упомянутыми в источниках случаями, когда в Бауске и волостях Бауского уезда, если советский активист бежал, участники самоохранны арестовывали семью³⁵.

Вопросов в этом деле по-прежнему больше, чем ответов. Также неясно, кто в конце июля убил этих искалеченных людей. Тогда в Бауске убийц из «команды Арайса»³⁶ еще не было, но в источниках имеются противоречивые сведения, которые лишь усугубляют незнание. Есть свидетельства, что стрелявшие были местными латышскими полицейскими³⁷, а также свидетельства, что это сделал немецкий карательный батальон (возможно, из местной немецкой комендатуры)³⁸.

Массовые убийства евреев в Бауске происходили в начале августа, когда в течение двух ночей в восьми километрах от города в Ликвертенском лесу (Вецаульская волость) при участии примерно 100 полицейских Бауского уезда по ранее разработанному плану одна рота (примерно 25—30 убийц) из «команды Арайса» уничтожила 700—800 евреев: в первую ночь примерно в течение четырех часов (приблизительное время — с 3 до 7 часов) — 500—600 бауских евреев, а на рассвете второго дня в течение нескольких часов — примерно 200 евреев, привезенных из волостей Бауского уезда³⁹. В промежутке, т.е. днем, убийцы из «команда Арайса» развлекались в гостинице «Курземе» в Бауске, что засвидетельствовал писатель Арнольд Апсе, который в это время находился в заключении в одном из подвалов здания и был отправлен убирать помещения⁴⁰.

Хотя в источниках не удалось найти точные сведения о датах проведения массовых расстрелов, однако можно утверждать, что совершение преступления началось в ночь с 9 на 10 августа, если считать, что первым случаем убийства евреев стал расстрел в Бауске стерилизованных евреев, который произошел в конце июля или начале августа, потому что в одном свидетельстве упоминается, что второй раз бауских евреев расстреливали примерно через неделю после первой акции уничтожения⁴¹. Зная хронологическую последовательность и детали акций, истинной датой совершения преступления можно считать указанную советским автором в книге «Они без маски» („*Viņi bez maskas*”): уничтожение бауских евреев началось 3 августа 1941 г., когда местные латышские полицейские отвели в Вецаульский лес и расстреляли примерно 50 евреев (если, не принимая во внимание, что в тексте в числе этих людей упоминаются женщины и дети, то ими могли быть и стерилизованные в Бауске евреи), а продолжилось через неделю, 10 августа, когда был организован новый массовый расстрел евреев⁴². В этот

раз число расстрелянных (153), возможно, соответствует числу расстрелянных во вторую ночь проведения акции, когда расстреляли евреев, привезенных из волостей Бауского уезда. Неточность отражения хода событий при проведении акции уничтожения евреев Бауского уезда⁴³, открывшуюся при изучении источников, можно найти в литературе и заключениях Чрезвычайной комиссии. Опираясь на ошибочную информацию, создана картина, что убийство евреев в Бауском уезде началось 26 июля и продолжалось семь дней. После этого оставшиеся в живых евреи якобы были расстреляны при проведении следующей массовой акции уничтожения — 30 сентября⁴⁴. Столь же ошибочной является информация, что евреев из Скайсткалне там же, неподалеку в лесу, расстреляли местные полицейские⁴⁵.

Углубляя исследование трагедии евреев Бауского уезда, необходимо раскрыть до сих пор еще не известные обстоятельства, при которых происходили аресты в волостях Бауского уезда, где евреи жили или работали на сельскохозяйственных работах, и их доставка к местам уничтожения. Надо признать, что по этой проблеме мало письменных источников, но многое могут раскрыть устные свидетельства. Известно, что в волостях, где евреев было мало, их арест и доставка в Бауску или на место убийства в упомянутый Вецсаульский лес, произошли незадолго перед акцией. В свою очередь в Скайсткалнской волости, где в 1935 и летом 1941 г. евреев проживало больше всего, по сравнению с другими волостями Бауского уезда, события разворачивались по-другому. Недостает информации о происшедшем в начале июля, но, как свидетельствовал командир скайсткалнской волостной группы вспомогательной полиции «С» Янис Ванагс, в конце июля 1941 г., когда, согласно распоряжению немецкой комендатуры, все скайсткалнские евреи (около 100 человек) были собраны по крестьянам-дворохозяевам волости (очевидно, перед этим было какое-то распоряжение об использовании евреев на каких-то работах; об этом также упоминается в одном устном свидетельстве⁴⁶) и размещены в охраняемом здании и во дворе этого здания (это была волостная школа примерно в полуктора километрах от волостного центра, позднее — дом престарелых). Там евреи волости находились двое суток, затем из Бауски приехали две грузовые машины, и в сопровождении пяти вооруженных полицейских из группы вспомогательной полиции «С» они были отвезены к месту уничтожения — в Ликвертенский лес Вецсаульской волости⁴⁷.

Упомянутый примерный список жертв получен по следующей методологии⁴⁸. Последняя официальная перепись населения в Латвии состоялась в 1935 г., ее данные взяты за основу расчетов. Число евреев в Бауске и Бауском уезде в 1935 г. см. в таблице.

Из списков репрессированных, опубликованных Латвийским государственным архивом⁵⁰, видно, что в

Численность евреев в Бауском уезде в 1935 г.⁴⁹

Административная территория	Число жителей еврейской национальности
Город Бауска	778
Бауская волость	9
Брукненская волость	2
Вецмуйжская волость	3
Вецсаульская волость	5
Залитская волость	1
Иецавская волость	47
Ислицкая волость	1
Панемунская волость	29
Свитенская волость	1
Скайсткалнская волость	130
Стелпская волость	1
Тауркалнская волость	9
Цераукстская волость	4
Всего	1020

период советской власти 14 июня 1941 г. всего были депортированы в Сибирь 89 евреев, живших в городе Бауске и Бауском уезде. Несколько десятков евреев покинули свое место жительства и ушли вместе с Красной армией после начала войны между Советским Союзом и Германией. Конечно, численность населения за пять-шесть лет, т.е. после 1935 г., изменилась. При таком расчете в июле 1941 г. в Бауске могло проживать примерно 600—700, а в волостях округа — 150—200 евреев. Эти расчеты по Баускому уезду в некоторых источниках доказывают, что и в опубликованных материалах, число жертв еврейской национальности — 2000 — преувеличено⁵¹. При более подробном исследовании осуществления Холокоста в Бауском уезде с использованием методологии проф. Э. Андерса⁵² начат сбор сведений о жертвах, чтобы в пределах возможного выяснить их имена и уточнить число убитых.

Проблематикой следующего исследования стала последовательность отданных приказов на уничтожение людей и вместе с тем ответственность за это и соучастие. Как уже упоминалось, уничтожение евреев в Бауском уезде совершила одна рота «команды Арайса», но, для того чтобы совершить это, в качестве вспомогательных сил в акции участвовали примерно 100 полицейских Бауского уезда, включая и полицейское руководство. Чтобы выяснить соучастие, необходимы время и оценка противоречивых свидетельств. Поэтому возможно, что лица, вовлеченные во многие акции, останутся неизвестными, однако участие отдельных лиц и степень ответственности в меру возможности выяснена⁵³.

Загадочной и противоречивой фигурой — хотя и реабилитированной — является начальник полиции Бауского уезда Хуго Ванагс, который принял должностные полномочия от предыдущего начальника уездной полиции Я. Друваскалнса 27 июля 1941 г. Здесь необходимо небольшое отступление, чтобы задать вопрос: зачем накануне массового уничтожения евреев была необходима эта смена кадров? Возможно, ответ следует искать в упреках, высказанных руководству полиции Бауского уезда, что у нее слишком мало собственной инициативы и что все ждут распоряжений от немецкого военного коменданта⁵⁴. Что касается Х. Ванагса, то до конца не удалось выяснить его роль в происшедшем, потому что в уголовном деле у него было твердое алиби в свою защиту⁵⁵, что подтверждается в заключении в пользу его реабилитации. А именно: констатировано, что преступление совершено в обход него (потому что он отказался выполнять приказы немцев), и в нем участвовали только должностные лица полицейских участков⁵⁶. Однако при анализе обширных материалов в источниках и событий того времени вырисовывается иная картина. Хотя прямые свидетельства того, что Х. Ванагс организовал аресты и расстрел жителей еврейской национальности отсутствуют⁵⁷, тем не менее необходимо согласиться со сказанным проф. А. Эзергайлисом, что во время уничтожения евреев в латвийской провинции летом 1941 г. начальники уездной полиции не могли не быть вовлечены в эти операции⁵⁸. Сказанное подтверждает один небольшой, но, представляется, существенный факт, о котором рассказал в своем свидетельском показании бывший начальник 1-го участка уездной полиции Август Яневич, сказавший, что после уничтожения евреев он сообщил о выполнении операции Х. Ванагсу, а не немецкому коменданту⁵⁹, от которого, по свидетельству Х. Ванагса, начальники полицейских участков получали приказы об организации акций уничтожения евреев, в обход начальника уездной полиции. Анализ дальнейших событий после уничтожения евреев Бауского уезда понемногу создает впечатление, что, не исключая возможно-

сти конфликта с немецкими учреждениями (на это есть указания в источниках)⁶⁰, 15 сентября 1941 г. Х. Ванагс был освобожден от должности за невыполнение должностных обязанностей, в результате чего из-за самоуправства полицейских и низкой дисциплины произошло разворовывание оставленного евреями имущества и присвоение ценных вещей⁶¹.

В материалах Республиканской Чрезвычайной комиссии и основанных на них архивных материалах *«Яд-Вашем» можно найти, что за уничтожение евреев в Бауском уезде ответственны Я. Друваскалнс, Август Дзенитис и староста города Эдуард Авотс. Ответственность Я. Друваскалнса за преступления в Бауском уезде распространяется только до июля 1941 г., когда, как уже упоминалось, он был освобожден с занимаемой должности, в свою очередь А. Дзенитис стал начальником Бауского уезда осенью 1941 г., когда все бауские евреи уже были уничтожены. Если говорить об ответственности и соучастии Э. Авотса, то аргументом в его защиту может служить интервью дочери Аусмы Илзини (лето 2001 г.), в котором, между прочим, говорится: «В первые дни июля 1941 г. мой отец был восстановлен в должности бауского городского головы. Это время не было самым приятным временем в его жизни. Все это время отец был подавлен и выглядел странно, не так, как обычно, потому что, вступая в должность, лелеял иллюзии об освобождении Латвии. Однако совсем скоро пришло разочарование, так как повлиять на происходящее он не мог. Можно было видеть, что отец все это чрезвычайно сильно переживал, потому что наша семья была очень хорошо известна и даже дружила со многими еврейскими семьями Бауски. От всего пережитого у отца обострилась болезнь, и в сентябре отец написал прошение освободить его от должности городского головы»⁶².

Устные свидетельства являются важным источником для выяснения отношения к происшедшему местной общественности, так как сведения об этом, имеющиеся в письменных источниках, весьма скудные. Они дают информацию только о настроениях, царивших в кругах совершивших преступление, а констатировать отношение к происходящему остальной части общества весьма проблематично. Из обобщенных нами свидетельств можно сделать вывод, что большая часть жителей была в шоке от происходящего и вообще избегала что-либо разужавать и говорить об этом. Но были и такие, кто принимал участие в этих акциях, поддерживал совершение преступления и открыто говорил об этом⁶³. После убийства бауских евреев некоторые полицейские отметили это событие как праздник, даже нарядились, но любой, въезжая в Бауску, рядом с табличкой с названием города мог увидеть вторую табличку с надписью “*Judenfrei*” («Свободно от евреев»)⁶⁴. Лишь несколько человек оказали евреям реальную помощь и поддержку.

В письменных источниках можно найти свидетельства о двух евреях, которым удалось спастись и найти убежище. Один из них — подвергнутый стерилизации, но не убитый И. Тоик, который все годы войны скрывался в разных местах города и у знакомых в сельской местности — у Луции Бундзинской в Бауске, у Анны Пипини в Барбеле и у Жаниса Ригертса в Панемуне. Второй — упомянутый в документах Чрезвычайной комиссии еврей «М...», личность которого установлена, — Хенак (Генох?) Малер из Иецавы⁶⁵, однако обстоятельства его спасения противоречивы и еще требуют уточнения.

Много новых поворотов в осмыслении и прояснении случаев спасения дали устные свидетельства. Разумеется, их следует оценивать критически, и это новое

поле деятельности в изучении событий Холокоста в Бауском уезде. В этом аспекте новые факты дал случай, произошедший с дочерью бауского еврея Абрама Вариатова. Последние полученные интервью дали совершенно новые сведения. А именно: из предыдущих интервью выяснилось, что еврейского ребенка спасла няня Анна Криевиня, которая была с девочкой на прогулке, когда евреев изгоняли из квартир в центре города. Женщина решила спасти ребенка от этого безумия и отвела его к знакомой бауской парикмахерше, которая затем тайно передала девочку одной знакомой, жившей в сельской местности, где ребенка прятали на протяжении всех военных лет⁶⁶. Какое-то время автор статьи принимал эту версию за достоверный факт спасения, пока бывший житель Бауски Григорий Аренсбург, который в 1941 г. находился в Рижском гетто и которого спас Жанис Липке, засвидетельствовал то, что он пережил в Рижском гетто. А именно: однажды, возвращаясь с работы, он увидел у ворот гетто знакомую женщину — латышку из Бауски с еврейским ребенком на руках. Ребенка взяла мать Г. Аренсбурга, которая потом рассказала, что женщина была выдана за то, что скрывает еврея, и ей было велено доставить его в Ригу⁶⁷. Когда рассказчик, давший первоначальное свидетельство, был проинтервьюирован вторично, открылась правда, что ребенок не был спасен, но об этом не было известно даже потомкам Анны Криевини, среди которых был рассказчик, потому что для семьи это была трагедия.

Похожие сведения удалось добыть еще о нескольких случаях, когда евреев пытались спасти, но это не удавалось. Эти события также требуют тщательной исследовательской работы, главным образом путем сбора и анализа устных свидетельств.

Из различных источников получены непроверенные и противоречивые свидетельства о других событиях. Неясно, почему с опозданием в Бауску привезли 39 евреев из какой-то невыясненной волости, после того как «команда Арайса» уже совершила преступление и уехала в город. Дальнейшая судьба этих людей якобы была связана с трудовым лагерем на Вецсаульском торфяном болоте, а затем с Рижским гетто⁶⁸. Также требуют проверки и уточнения свидетельства о спасенном бауском еврее Теодоре Рабиновиче, о скрываемом на мельнице в Яунсаульской волости и спасенном еврейском юноше, о спасении одного еврея в Тауркалнской волости⁶⁹, а также о рассказанном одним мужчиной, который летом 1941 г., будучи семилетним ребенком, жил в той части Бауски, куда были согнаны евреи из города⁷⁰. А именно: после того как евреи были увезены и расстреляны, на территории гетто остался один мальчик примерно восьми лет, которого пытались схватить двое полицейских. Мальчика схватили, но какая-то женщина-латышка, увидев это, якобы воскликнула: разве мало крови невинных детей, и что она не допустит, чтобы на ее глазах происходили такие ужасные вещи. Тогда полицейские ответили: пускай останется, но при условии, что мальчика увезут из города, чтобы больше о нем никто ничего не знал, и обо всем случившемся надо молчать; в противном случае придется отвечать по законам военного времени.

Неясен и вопрос об отношении местного духовенства к уничтожению евреев. Имеются только несколько свидетельских показаний, которые можно использовать как нить для более подробного выяснения этого вопроса. О событиях в Скайсткальне в своей книге воспоминаний «В тюрьме души» написала бывшая монахиня монастыря Св. Креста в Скайсткальне Ольга Даудзварде⁷¹. В июле 1941 г., когда началось издание направленных против евреев распоряжений, монах-капуцин отец Павел в одной из проповедей в скайсткальской церкви говорил о люб-

ви к ближнему, и сказал в защиту евреев, что несправедные дела никому не принесли благодати. За такой «выпад» после докладной в Ригу скайсткалнского пробста (благочинного) Мейнарда отец Павел подвергся угрозам со стороны рижского супериора (настоятеля) Томаса о переводе на другую работу. В свою очередь другой случай, описанный в упомянутой книге воспоминаний, характеризует двуличие и зло. А именно: в помещениях скайсткалнского монастыря Св. Креста находился детский приют, в котором о детях (и сиротах, и отпрысков малообеспеченных семей, и отданных на воспитание) заботились монахини монастыря. В год советской власти в этот приют была привезена из Риги группа детей, в которой был мальчик еврейской национальности Арон Шнитке. В июле 1941 г. об этом стало известно местным полицейским из вспомогательной полиции, и, когда началась акция уничтожения евреев, по распоряжению пробста Мейнарда мальчика крестили, а затем отдали в руки палачей — чтобы в царство небесное ушла одна крещеная душа⁷². О том, что написанное О. Даудзварде — не трюк советской идеологии в атмосфере всеобщего атеизма, а правда, свидетельствуют ее письма, написанные в начале 90-х гг. исследователям истории Скайсткалнской волости⁷³.

Одним из аспектов трагедии Холокоста является имущество убитых евреев. Уже в июле 1941 г., после того как бауские евреи должны были покинуть свои квартиры и переселиться на окраину города, все оставленное — недвижимостью, ценностями и другое имущество считались конфискованными, хотя в действительности было возможно расхищение этого имущества⁷⁴, ибо, судя по переписке между военным комендантом Бауски и городским старостой, городская управа, несмотря на неоднократные напоминания, продолжительное время не вела учета оставленного имущества⁷⁵. Представляется, что цитируемые выше воспоминания дочери бауского городского старосты Э. Авотса, дают ответ на вопрос: почему? А именно: делать это следовало бауской городской управе, а староста города морально был не способен руководить этой работой из-за обстоятельств, упомянутых в свидетельстве.

Используя ситуацию, несколько бауских полицейских, в том числе и руководство полиции, присвоили ценности (в основном золото), мебель, одежду.

В источниках есть указания, что именно из-за этого самоуправства в сентябре—октябре 1941 г. произошла смена руководства полиции Бауского уезда, а несколько полицейских были освобождены от работы⁷⁶. Судя по первому опубликованному в газете „*Bauskas Vēstnesis*” объявлению, распродажу оставленного евреями имущества, бауская городская управа объявила 18 августа 1941 г. и та продолжалась более двух месяцев — до 29 октября. На открытых торгах предлагались не только оставшиеся в городе вещи, но и привезенное с места расстрела, а также вещи людей, ушедших с Красной армией. Прекращение торгов в конце октября мотивировалось тем, что, наконец, необходим точный учет. Его городская управа начала только в ноябре 1941 г. В середине ноября должностные лица написали первый отчет, из которого видно, что сумма, вырученная за проданные до того на торгах вещи, составила 64 081,86 немецких марок (деньги зачислены в фонд восстановления города Бауски), общий вес учтенных драгоценностей из золота — 300 г, а вес предметов из серебра — 80 кг⁷⁷. 21 ноября 1941 г. бауский городской староста Янис Скалдерс отправил собранные данные комиссару области Митава фон Медему. В них видна оценка всего оставленного евреями города недвижимого имущества, ценностей и другого имущества на общую

сумму 882 790,51 немецких марок. Ее составляли 99 единиц недвижимости (201 708,65 немецких марок), мебель, одежда и другие предметы быта (108 981,86 немецких марок), а также драгоценности из золота (6000,00 немецких марок), серебра (16 000,00 немецких марок) и хрусталь (150,00 немецких марок)⁷⁸.

Об использовании этого учтенного имущества точной информации нет, однако из отдельных источников об этом можно догадываться. Так, например, во многих меблированных и обеспеченных предметах быта квартирах и отдельных домах Бауски были поселены офицеры вермахта и немецкой полиции⁷⁹. В такую квартиру по ул. Католу, 10, где до этого проживала семья еврея Иосифа Бермана, вселился начальник 1-го полицейского участка Д. Яневич с семьей. В одежду расстрелянных евреев одевали занятых на работах в городе и уезде пленных красноармейцев⁸⁰. В свою очередь в упомянутом выше сообщении старосты города Бауски комиссару области Митава фон Медему обосновывается, что жиды приобрели перечисленные ценности за счет жителей города, поэтому в сообщении содержится требование конкретных сумм для строительства и ремонта различных общественных зданий города.

Похожие процессы с оставленным евреями имуществом происходили и в других местах Бауского уезда. Например, вещи расстрелянных евреев из Скайсткальне продавались в некоторых магазинах и на рынке в Скайсткальне, а полученные от продажи деньги поступили в особый фонд⁸¹.

В заключение статьи об аспектах исследования событий Холокоста в Бауском уезде необходимо уточнить хронологию создания латышской вспомогательной полиции (вначале — отряда самообороны) как коллаборационистского фактора и ее структурных изменений в июле 1941 г. О деятельности отрядов самообороны в Бауском уезде можно говорить начиная с конца июня 1941 г. Это означает, что такие отряды начали создаваться одновременно с приходом немецких войск. Со вступлением частей вермахта на каждой конкретной территории был назначен немецкий военный комендант, обладавший сначала на занятой войсками территории как военной, так и гражданской властью. Ситуация того времени создавала условия, при которых на каждой занятой вермахтом территории параллельно с немецкими военными комендатурами создавались условные латышские комендатуры (латышские силы самообороны), которые сами латыши называли службой безопасности. Эта деятельность должна была быть строго подчинена немецким военным комендатурам. То, что в руках участников самообороны было оружие, тоже занимало умы немцев. Требовались центральное руководство и определенная иерархия. До 8 июля такая структура была создана, и штаб латышских отрядов самообороны в Риге, находившийся в ведении немецких органов безопасности, направил в уезды соответственно уполномоченных лиц, задачей которых было, соблюдая распоряжения немецкой полиции безопасности и СД, а также в сотрудничестве с немецкими военными комендатурами, организовать работу латышских сил самообороны и латышских комендатур для осуществления функций полиции и вспомогательной полиции или полиции порядка. В Бауску с полномочиями латышского коменданта уезда, или начальника полиции, с согласия немецкого военного коменданта Бауски был направлен полковник-лейтенант (подполковник) Янис Друзаскалнс, который был связан с немецкой полицией безопасности и СД⁸².

5 июля 1941 г. немецкая комендатура Бауски издала распоряжение, предусматривавшее разоружение всех участников самообороны⁸³. После 8 июля фактически

ки произошло расформирование отрядов самоохраны, потому что одной из первых задач латышского коменданта было создание структуры латышской вспомогательной полиции по принципу устройства полиции независимой Латвии. Отряды самоохраны превратились в подразделения латышской вспомогательной полиции, и те, кто пожелал продолжить службу, стали работниками уездной полиции и получили право ношения оружия. В конце июля — начале августа 1941 г. — в бауской уездной полиции уже была образована структура двух участков, а полицейская служба поделена на три группы⁸⁴ — руководство полиции (высшие офицеры полиции, в том числе начальники участков) относилось к группе «А», рядовые штатные полицейские — к группе «В», а к группе «С» относились внештатные вспомогательные полицейские, задачей которых было по мере надобности участвовать в различных ширококомасштабных акциях, обеспечивать дежурства охранных постов, конвоировать арестованных и т.п.⁸⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Vestermanis M. Tā rīkojās vermahts. R., 1973. 49.—50. lpp.*
- ² *Bauskas Vēstn. 1941. 8. jūl.*
- ³ *Urtāns A. Civiliedzīvotāju slepkavošana Latvijas provincē (1941—1942): Bauskas pilsēta un apriņķis // Latv. Vēsture. 2000. Nr. 3. 40. lpp.*
- ⁴ См. прим. 19 на с. 397.
- ⁵ *Urtāns A. Civiliedzīvotāju slepkavošana... // Latv. Vēsture. 2000. Nr. 3., 41. lpp.*
- ⁶ Бауские красноармейцы Вольдемар Акис, Язепс Вайтекунс, А. Моллис, Мисунс, евреи Шохен и Васерман.
- ⁷ Бауский краеведческий и художественный музей (далее — БКМ), свидетельство Мирдзы Звейниеце.
- ⁸ *Urtāns A. Civiliedzīvotāju slepkavošana... // Latv. Vēsture. 2000. Nr. 3. 41. lpp.*
- ⁹ *Ibid.*
- ¹⁰ Сообщения о событиях (*нем.*) — *Ред.*
- ¹¹ Латвийский государственный архив (далее — ЛГА), ф. 1986, оп. 1, д. 1297, т. 2, л. 13—14; д. 43000, т. 4, л. 46.
- ¹² БКМ, свидетельство Рудольфа Бирзниека.
- ¹³ Мозус (Моисей) Штул (1863—1941) занимал пост раввина в Бауске с 1907 г. — *Ред.*
- ¹⁴ Избиение раввина упоминается также в свидетельстве, обнаруженном в ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 6242, л. 25.
- ¹⁵ *Bauskas Vēstn. 1941.8. jūl.*
- ¹⁶ *Ibid. 11. jūl.*
- ¹⁷ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 30776, л. 27; д. 43000, т. 1, л. 20; т. 7, л. 5—6.
- ¹⁸ Земгале (Земгалия) — историческая область на юге Латвии, по левому берегу Даугавы (Зап. Двины). С XIII в. в составе Ливонии, с 1561 г. — Курляндского герцогства (в 1596—1617 гг. самостоятельное Земгальское герцогство). В составе Российской империи (с 1795 г.) — часть Курляндской губернии. — *Ред.*
- ¹⁹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 43000, т. 3, л. 29.
- ²⁰ *Bauskas Vēstn. 1941. 25. jūl.*
- ²¹ *Ibid.*
- ²² БКМ, свидетельства Рудольфа Бирзниека, Блазмы Розите, Хария Витола, Мирдзы Звейниеце.
- ²³ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 17125, л. 69.
- ²⁴ *Urtāns A. Civiliedzīvotāju slepkavošana... // Latv. Vēsture. 2000. Nr. 3. 44.—45. lpp.*

- ²⁵ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 30776, свидетельства Оскара Плявниекса.
- ²⁶ Там же, л. 91.
- ²⁷ Там же, л. 12, 93.
- ²⁸ *Krašaps L. Prokurora piezīmes. R., 1949. 9.—11., 14. lpp.*
- ²⁹ См. прим. 1 на с. 200.
- ³⁰ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. Р-132, оп. 30, д. 9, л. 7—8.
- ³¹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 30776, л. 25—31.
- ³² Там же, л. 93.
- ³³ О таком приказе свидетельствовал командир отряда самоохраны Иецавской волости Петерис Целмс (там же, д. 19176, л. 495). В свою очередь, о том, что арестованных советских активистов из волостей отвозили в Бауску, в своих воспоминаниях писали несколько арестованных в то время: Алексис Бледе, Рудольф Розентале (БКМ).
- ³⁴ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 1297, т. 2, л. 16; д. 17125, л. 69; д. 30776, л. 5; д. 40380, л. 30, 59.
- ³⁵ Там же, д. 6242, л. 90—91, 126; БКМ, воспоминания Алексиса Бледе, л. 27.
- ³⁶ См. прим. 2 на с. 200.
- ³⁷ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 17125, л. 10, 20; д. 30776, л. 22.
- ³⁸ Там же, д. 43000, т. 1, л. 79; т. 2, л. 18; т. 7, л. 235.
- ³⁹ *Urtāns A. Civiliedzīvotāju slepkavošana... // Latv. Vēsture. 2001. Nr. 2. 41.—43. lpp.* Названные цифры можно считать максимально возможными.
- ⁴⁰ *Apse A. Klosterkalns. R., 1998. 173. lpp.*
- ⁴¹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 1297; т. 1, л. 59.
- ⁴² *Arklāns B., Dzirkalis J., Silabriedis J. Viņi bez maskas. R., 1966. 164.—165. lpp.*
- ⁴³ *Urtāns A. Civiliedzīvotāju slepkavošana... // Latv. Vēsture. 2001. Nr. 2. 41.—43. lpp.*
- ⁴⁴ По: ЛГИА, ф. Р-132, оп. 30, д. 9, л. 2; ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 43000, т. 3, л. 6—7; Музей еврейской диаспоры им. Нахума Гольдмана (Тель-Авив, Израиль), [Бауска]; Архив «Яд-Вашем», М-33, 1033, GARF 7021-93-58, 107 (Бауский уезд); *Arklāns B., Dzirkalis J., Silabriedis J.* Op. cit. 164.—165. lpp.
- ⁴⁵ Музей еврейской диаспоры им. Нахума Гольдмана (Тель-Авив, Израиль), [Скайсткальне].
- ⁴⁶ БКМ, свидетельство Алмы Ибрагимовой.
- ⁴⁷ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 1297, т. 1, л. 93—94, 102; д. 3454, л. 2, 17.
- ⁴⁸ *Urtāns A. Civiliedzīvotāju slepkavošana... // Latv. Vēsture. 2000. Nr. 3. 46.—47. lpp.*
- ⁴⁹ *Ceturtais tautas skaitīšana Latvijā, 1935. R., 1937. 4. sēj.: Tautība. 297., 302., 346., 357. lpp.*
- ⁵⁰ *Aizvestie: 1941. g. 14. jūn. R., 2001, 151.—172. lpp.* [Bauskas apr.].
- ⁵¹ ЛГИА, ф. Р-132, оп. 26, д. 7, с. 4; оп. 30, д. 9, л. 2; Музей еврейской диаспоры им. Нахума Гольдмана (Тель-Авив, Израиль), [Бауска].
- ⁵² *Anders E., Dubrovskis J. Fate of Latvian Jews, 1941—1945: Recovering names from official records // Holokausta izpētes problēmas Latvijā: Starptautiskās konferences referāti un pētījumi par holokaustu Latvijā (Latv. Vēsturnieku komisijas r. 2. sēj.). R., 2001. 49.—60. lpp.*
- ⁵³ *Urtāns A. Civiliedzīvotāju slepkavošana... // Latv. Vēsture., 2000. Nr. 3. 42., 44.—47. lpp.; 2001. Nr. 2. 41.—43. lpp.*
- ⁵⁴ *Nacionālā Zemgale. 1941. 7. jūl.*
- ⁵⁵ *Urtāns A. Divu okupācijas režīmu vienāds spriedums // Latv. Vēsture. 2000. Nr. 1. 107. lpp.*
- ⁵⁶ Заключение о реабилитации прокурора Генеральной прокуратуры Латвийской Республики А. Лейченко по уголовному делу Х. Ванарса № 17923 от 15 июля 1999 г. (ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 17923).
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ *Ezergailis A. Holokausts vācu okupētajā Latvijā, 1941—1944. R., 1999. 367. lpp.*
- ⁵⁹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 17923, л. 66—67, 71—72, 145.
- ⁶⁰ Там же, д. 633, л. 17, 21, 44.

- ⁶¹ Там же.
- ⁶² БКМ, свидетельство Аусмы Илзини.
- ⁶³ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 8098, л. 302—303.
- ⁶⁴ Там же, д. 1297, т. 1, л. 196.
- ⁶⁵ Там же, д. 17125, л. 67—68.
- ⁶⁶ *Urtāns A. Civiliedzīvotāju slepkavošana... // Latv. Vēsture. 2000. Nr. 3. 44. lpp.*
- ⁶⁷ БКМ, свидетельство Григория Аренсбурга.
- ⁶⁸ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 17923, л. 14, 145; БКМ, свидетельство Карлиса Грузды. Улдис Ласманис, исследуя ход Холокоста в нынешнем Айткраукльском районе, пришел к выводу, что упомянутые 39 евреев из Бауского уезда были привезены из Екабпилсского уезда (из телеф. Разговора с У. Ласманисом в феврале 2003 г.).
- ⁶⁹ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 17923, л. 145; д. 40380, л. 27; БКМ, свидетельство Марии Ирбите.
- ⁷⁰ БКМ, свидетельство Хария Витолса.
- ⁷¹ *Daudzvārde O. Dvēseles cietumā. R., 1969. 170.—176. lpp.*
- ⁷² *Ibid.* 171., 174.—175. lpp.
- ⁷³ Коллекция Улдиса Мантонса и Петериса Лукашевича, сохранившаяся в Скайсткалнском волостном музее.
- ⁷⁴ ЛГА, ф. 1986, оп.1, д. 633, л. 333; д. 8098, т. 1, л. 302; д. 43000, т. 4, л. 166; т. 7, л. 5— 6.
- ⁷⁵ ЛГИА, ф. 751, оп. 3, д. 9, л. 40—41, 43.
- ⁷⁶ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 633, л. 48—49, 333; д. 8098, т. 1, л. 302; д. 28636, т. 1, л. 101; д. 43000, т. 4, л. 166.
- ⁷⁷ ЛГИА, ф. 751, оп. 3, д. 5, л. 10.
- ⁷⁸ Там же, л. 11.
- ⁷⁹ Там же, л. 10; д. 9, л. 10.
- ⁸⁰ Там же, д. 9, л. 30; ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 43000, т. 2, л. 41.
- ⁸¹ Там же, д. 3454, л. 2.
- ⁸² Там же, 21808, л. 101; *Biezais H. Nacionālie partizāni // Latv. Vēstures Inst. Žurn. 1992. Nr. 4. 138. lpp.*
- ⁸³ *Bauskas Vēstn.* 1941. 8. jūl.
- ⁸⁴ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 17923, л. 13.
- ⁸⁵ Там же, д. 633, л. 63—64.